

Виктор Гришаев

ИСТОРИЯ ОДНОГО РОДА

УДК 82-3
ББК 84-4
Г85

Г85 **Гришаев В.**
История одного Рода / Виктор Гришаев – М.: Литнет, 2026. – 356 с.

ISBN 978-5-521-94359-3

Художественно-исторический роман История одного Рода. Жанр: историческая литература, современная проза, роман, драма.

Целевая аудитория. Роман может заинтересовать широкую читательскую аудиторию от 18 лет...

Художественный роман охватывает большой исторический период времени с 1185 года до 21 столетия. Эпопея построена по принципу обозрения народной жизни, эпох со своими сложными и противоречивыми явлениями.

Эта история переселения славян, живших в междуречье Днепра и Дона (с Чалы и Дона) в Сибирь задолго до Ермака. Во имя спасения и продолжения Рода они уходят от страшных войн на поиски новых земель.

Произведение пронизано постоянной борьбой за лучшую жизнь. Увлекательный, захватывающий сюжет с приключенческими моментами погружает в прошлое, заставляя задумываться над настоящим. Персонажи показаны читателю в легкодоступной форме. Волшебные истории любви переплетаются с трагическими событиями.

В романе красочно описывается живая природа, неразрывно связанная с бытом славян и угров. Отражается отношение к обучению и воспитанию детей, подрастающего поколения в разные периоды истории.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94359-3

© Литнет, 2026
© В. Гришаев, 2026

*Как дорог мне в родном народе
Тот молодецкий резон,
Что звал всегда его к свободе,
К мечте, живущей испокон.*

(А. Т. Твардовский)

Глава 1. Каяла

Поле, словно ковёр, усеянное нежно-белыми ромашками и красными тюльпанами, вдруг как в сказке явилось взору Дарины и Любомира. На миг, замерев от дивной красоты, они, беззаботно рассмеясь, пустились вприпрыжку к изрезанному оврагами берегу. Река Каяла, стремительно извиваясь между крутоярами, поросшими шатровидными ивами с цветущими пушистыми жёлто-зелёными цветками, встретила их свежим лёгким дуновением. Майский ветер, внезапно пришедший с Чёрного моря на лесостепную равнину, быстро пробежавшись по глади реки и слегка сморщив её, нежно коснулся юных лиц и вмиг затих.

– Какая же здесь тишь да благодать, – полушёпотом обронила девушка, точно боясь спугнуть эту умиротворяющую тишину. И, откинув лёгким движением руки, светло-русую косу, подняла кроткий взгляд на юношу, будто бы ища поддержки в его глазах.

– Даринка! – только и смог выдохнуть Любомир, смущённо смотря в большие, как неба синь, глаза своей невесты. И внезапно сорвавшись с места, пылко бросил:

«Да любя ты мне, ох, как любя!» И лихо, скатившись кубарем с обрыва, крикнул: «Прыгай!»

– А ты словишь? – звонко рассмеявшись, отозвалась юная краса. И решительно подойдя к краю откоса, ласточкой полетела вниз в широко расставленные руки юноши. А он, поймав и нежно прижав её к себе, как самую драгоценную ношу, рванул вместе с ней по кромке берега в сторону плёса. И только зайдя глубоко в воду, бережно, точно русалочку отпустил навстречу весёлой ряби. Нырок и вот он уже, размахисто взмахивая руками, плывёт к противоположному пологому берегу.

– Не отставай! – громко кричит он.

Выйдя на сушу и проскочив песчаную косу, они со смехом падают

в шелковистую, изумрудно-зелёную траву. Запах луговых цветов, опьяняя ароматом, в сей миг погружает их в счастливые мечты. И лишь жужжание пчёл, треск кузнечиков и порхание разноцветных бабочек над цветами, да пение полевых жаворонков сладостно отвлекают молодых людей от светлых дум.

– Даринка, а ты знаешь, о чём хочу поведать я тебе? И одарив её улыбкой, с нежностью посмотрел на неё.

– О чём? – как-то сразу напрягшись, выдохнула она.

– Но ты должна дать мне обещание, что об этом никто не должен прознать, даже самые близкие.

– Конечно, сокол мой ясный, – догадываясь, о чём может пойти речь, озорно улыбнулась прелестница, – будь уверен, чтобы ты не сказал, об этом не узнает ни одна душа.

И юноша ещё раз, внимательно посмотрев ей в глаза, вкрадчиво поведал:

«На днях мои родители пошлют в ваш дом сватов. Никто же не догадывается о наших отношениях. Теперь-то понимаешь, почему это должно остаться нашей тайной. А родичи мои пушай думают, что это они выбрали мне невесту».

– А ежели откажут? – приклонив голову к его плечу, грустно улыбнулась девица.

– Не бывать этому. Ты же работающая, да к тому же ещё и красавица.

– Суженый мой, какой же ты умный и смелый! – с благодарным блеском в глазах горячо воскликнула она.

– Вон уже и сумерки спускаются на землю, – как бы пропуская её слова, тихо подхватывает Любомир, прислушиваясь к звукам и внимательно всматриваясь вдаль.

– Смотри, смотри, как красиво солнышко-то садится, и прямо в речку, – восторженно шепчет Дарина, хлопая широко распахнутыми глазами, – а водная гладь-то, какая спокойная, да и тишина уж чересчур таинственная, я бы даже сказала, подозрительная. Тебе, Любомирушка, так не кажется?

Юноша, вновь напрягая слух, вглядывается в вечернюю мглу. И в какой-то момент, приложив палец к губам, вжимается в землю.

– Поползли, – шепчет он. И они бесшумно отползают под крону ивы, которая своими густыми, опускающимися почти до земли ветвями, скрывает их.

– Опять басурмане пришли, что-то уж часто повадились они к нам, как будто мёдом здесь намазано, – играя желваками, с болью выдавил Любомир.

– Сколько же их много! – шепчет Дарина, с тревогой глядя на многочисленные колонны половцев, движущихся под покровом темноты в сопровождении воя зверей и скрипа телег.

– Видно битве быть. Не зря же весть о походе княжеского войска недавно разнеслась не только до черноморских степей, но и аж до Тмутаракани¹ и Корсуня².

– А нам-то, что ж делать-то? – слышит он взволнованный голос девушки.

– Как можно скорее возвращаться домой. Надо оповестить сельчан о вновь надвигающихся половецких набегах.

Любомир, ещё издалека увидев отца, резко ускорил шаг, спеша ему навстречу.

– Батюшка, здравствуй! И поклонившись в пояс, немедля продолжил:

«Сегодня принёс я тебе нерадостную весть. Василий, пронзительным взглядом глянув на «блудного» сына, ворчливо пробурчал:

«Где это тебя сызнова носит?» Дома работы не впрокорот, а он знай, себе шатается, незнамо где.

– Не сердись отец, а лучше выслушай.

– Ну, уж говори, коль начал. Что там опять стряслось? И Василий,

¹ Тмутаракань – один из древнейших городов Таманского полуострова, Краснодарского края.

² Корсунь – ныне Гагаринский район г. Севастополя.

бросив вопросительный взгляд, ожидающе уставился на сына. Любомир, волнуясь, сбивчиво рассказал об увиденном на реке Каяла. Внимательно выслушав, отец, опустив голову, на какое-то время ушёл в себя, обдумывая сказанное. А затем, по-молодецки вскочив, подошёл к сыну и обнял его.

– Нужно, как можно быстрее собрать людей со всех ближайших селений, – произнёс он, не отпуская рук с плеч сына и глядя прямо ему в глаза.

– Надо срочно решать, что делать, и как дальше жить.

Уже с утра, прослышав звон билы¹, стал собираться народ около холма в священной роще у живописного озера. Прибыли на копу² и представители родов трёх селений соседней общины. Пришли и старцы. Поднявшись на холм, обвёл Василий мрачным взглядом притихших сходатаев, собравшихся на народное собрание. И, выдержав небольшую паузу, обратился он к своим соплеменникам, да так громогласно, да таким зычным голосом, что покати-лась его проникновенная речь по дубраве, проникая и трогая душу каждого русича:

«Брати! Снова для нас наступает тяжёлое время. Опять несметные тучи наших врагов идут на нашу землю, чтобы грабить деревни и убивать нас. А сколько наших женщин и детей было угнано в полон за все времена их жестоких набегов?! Не счесть! И так едва ли не каждый год... Ну, никак не дают наши враги жить славянским племенам «каждо своим обычаем». Ужо и терпежа нет совсем, так боле жить!»

– Что ж в таком разе делать-то, Василько?! – слышались крики со всех сторон.

¹ Било – деревянная или металлическая доска, в которую бьют для подачи сигнала.

² Копя (купа) – народное собрание лучших представителей родов и семей – сходатаев, домохозяев, решавших жизненно-важные вопросы для славянской общины.

– Чтобы спасти своё племя, я предлагаю идти на восток и там искать новые земли, искать счастье.

Долго, эмоционально и бурно обсуждал в тот день народ судьбу свою. В итоге, проявив свои самые лучшие качества – честность, прямоту, искренность и храбрость, славяне единогласно решили, что во имя сохранения рода всё молодое население прямо завтра, ранним утром должно покинуть родные, но ставшие опасными для проживания на протяжении многих лет места.

А те люди, которые не были готовы к дальним переходам, решили укрыться в лесу.

– Вот выроем землянки в густом бору, и так там схоронимся, что ни один «поганый» из этого хищного разбойничного племени нас не словит, – хорохорились старцы, выпрямляя гордо спины и показывая всем своим видом непоколебимость русского духа.

– А если надо будет и вилы возьмём, да так супостату поддадим жару, что долго будет помнить, как лазать в чужой огород, – высоко подняв голову, поддержал стариков Василий.

– А ты что, Василько, тож надумал остаться? Ты же ещё не старый. В походе-то вполне можешь сгодиться. Кто как ни ты, сможешь подсказать молодым, как реки преодолеть, как идти по неизвестному пути, по нехоженным лесам, по долинам, да по взгорьям.

– Я же староста, и обязан быть со своим народом. Это ж мой долг. Да и здесь же, кто-то должен остаться, чтобы помогать князю по защите нашей земли. И он, тряхнув широкой окладистой бородой, опустил в задумчивости голову. Но буквально через мгновение, выпрямившись во весь свой богатырский рост, рассудительно продолжил, как бы задавая самому себе вопрос:

«А кто поведёт людей на новые земли?» Помолчав, добавил:

«Вы же сами знаете, что среди нашего народа много добрых молодцев, готовых повести за собой соплеменников. Я думаю, они и сами разберутся, и выберут себе хорошего вожака. А если нужно будет, пособим. Но в любом случае помочь бы им надо – собраться в эту длинную и нелёгкую дорогу. Так что времени у нас не ахти как много».

И когда солнце перевалило зенит и начало медленно опускаться вниз по небосводу, к дубраве стали подтягиваться первые повозки.

– Любомирушка, родненький ты мой, видать, уж и не увидимся больше, – упав на мощную грудь широкоплечего сына и заливаясь горькими слезами, причитала Ярослава. А рядом, отвернувшись и переминаясь с ноги на ногу, стоял Василий, стараясь украдкой смахнуть скупую мужскую слезу.

– Батюшка, матушка, полно Вам так горевать, мы же ещё живы и здоровы, а что расстаёмся знать судьба наша такова. Лучше перед дорожкой благословите нас с Даринкой. И он взмахом руки поманил девушку. И она чисто лебёдушка, почти не касаясь земли, поплыла ему навстречу. А за ней важно и чинно последовали её родители Микола и Мирослава.

– Вы уж извиняйте нас соседи дорогие, что как-то не по-людски получается. Да и сам видишь, времечко такое, смутное, не до церемоний сейчас. В далёкий и неизведанный путь отправляем детей и внуков наших, поэтому и приходится в таких спешных условиях сватать Вашу ненаглядную дочь – красавицу Дарину, – поклонившись в пояс, молвил Василий.

– Да понятное дело, что не до обрядов сейчас, – прижав руку к сердцу и отмеряя ответный поклон, безрадостно ответил Микола.

Любомир и Дарина становятся на колени, и Василий трижды крестит их иконой. Молодые целуют её. А затем священник благословляет невесту иконой Богородицы, а жениха образом Христа.

– Дарина, живи в мире и согласии с Любомиром, а ты Любомир живи в мире и согласии со своей наречённой Дариной, – плавно напевает батюшка.

Ранним утром, как только забрезжил рассвет, но солнце ещё не показалось из-за горизонта, двинулись жители Дона в дальнюю дорогу в поисках лучшей доли. А чтобы, как можно больше взять с собой лошадей – голубых бахмутов, которых они веками разводили и вращивали в Причерноморье, мужчины, юноши и подростки